

Андрей Львович Ливадный

Прототип

Аннотация

Еще недавно Рауль Ганиев был ведущим архитектором земной колонии на планете Ксеноб. Пустяковый, казалось бы, сбой в работе мозгового импланта превратил интеллигентного архитектора в сверхчеловека, в одиночку справившегося с группой спецназа, посланной на его уничтожение. А всему виной стал мнемовирус, подхваченный Ганиевым в Святилище Прототипов – месте, где собраны матрицы сознания аборигенов Ксеноба, тысячи лет назад отказавшихся от физических оболочек. Ни сам бывший архитектор, ни те, кто должен был его уничтожить, не догадывались, что это только начало

*долгой войны за сохранение
человеческой расы...*

Пролог

Рауль Ганиев проснулся рано. Приятный голос разбудил его осторожно, ласково.

За окном едва брезжил рассвет. «Сегодня важный день», – вспомнил он, но не вскочил, как бывало, лишь безмятежная улыбка тронула губы. Злобные трели будильника по утрам, суэта подземки, удушливый запах угля, дребезжание состава, толпы народа, – все в прошлом.

Он встал с постели, подошел к окну.

Город с высоты просматривался как на ладони. Радикальные, стремительные перемены коснулись лишь центра и еще не стерли черты

недавнего прошлого.

— Что бы ты хотел на завтрак? — все тот же мягкий голос прозвучал в сознании.

Над городскими окраинами, с их дымящими заводскими трубами, приземистыми цехами, уродливой архитектурой бессистемной застройки, царили два изящных, устремленных в небеса современных здания.

Игра противоположностей задевала воображение. Рауль любил город, как стихию, в которой вырос, и вот теперь получил заслуженную возможность повелевать ею.

Рожденный в бараках, он стремительно прошел трудный путь. Начал каменщиком и вот, спустя десять лет, стал архитектором, творцом, а все благодаря взрывообразному развитию высоких технологий, буквально изменивших мир.

Он ничего не ответил прозвучавшему в сознании голосу. Еще не привык, терялся, даже подумывал: а не отключить ли голосовую функцию импланта?

Вид за окном по-прежнему притягивал взгляд. Приземистые кварталы зданий, не поднимающиеся выше двух этажей, принадлежали прошлому. Они пойдут под снос, а на их месте, разделенные широкими проспектами, обрамленные парками, украшенные площадями, к небесам устремятся комплексы ультрасовременных небоскребов.

Жизнь этим утром казалась радостной, светлой, ведь он знал: грань между прошлым и будущим с каждым днем все тоньше. Уроdlивое, чаdlящее отравляющее индустриальное наследие темных веков вскоре исчезнет.

Он обернулся.

Посреди квартиры в специально отведенном пространстве сияла голографическая модель города будущего. Его проект. Девять устремленных ввысь кварталов образовывали дугу. Он намеренно использовал сходство со Святилищами Прототипов, но не в силу набожности, скорее из уважения к силам, несущим прогресс и знания, к тайнам прошлого — еще не разгаданным и потому манящим, задевающим воображение.

«Как быстро мы привыкаем к хорошему», — подумал Рауль. Он отдал мысленное распоряжение относительно завтрака, умылся. Часы показывали семь утра. До рассмотрения его проекта Советом Просвещенных осталось два часа.

Он сел в кресло, еще раз критическим взглядом окинул модель города, над которой трудился

последние годы. «Подумать только, не так давно я работал при помощи карандаша и бумаги, по ночам, после трудного дня. Мне не хватало знаний и опыта. Большую часть времени отнимали расчеты».

Наверное, тусклую лампочку над деревянным столом в крохотной каморке общежития барачного типа он не забудет никогда. Кипы бумаг, заметки, чертежи, эскизы зданий. Долгий, кропотливый, изматывающий труд.

Еще он навсегда запомнил день, когда впервые увидел нанокomпьютер. Изящная безделушка, похожая на браслет, поначалу не привлекла его внимания, пока хозяин магазинчика не включил прибор, демонстрируя изумленным покупателям.

С того момента жизнь Рауля Ганиева изменилась в корне. Всего за год

личные нанокомпы завоевали рынок, превратились из странных, новомодных безделушек в неоценимых помощников. Затем появились средства связи. Каждый месяц – новинка. Откуда они появлялись, никто не догадывался. Многие отвергали перемены, не желали ничего менять: ни уклада жизни, ни психологии, и тогда прогресс, похожий на взрыв, стремительно расслоил общество.

Рядом с дымящими громыхающими механическими повозками на улицах появились почти бесшумные, мощные, изящные автомобили с водородными двигателями. В домах и квартирах теперь тускло сияли стереоэкраны – сферовидение завоевало рынок даже быстрее, чем иные новинки. Вместе с ним в каждый дом пришла еще одна власть. Информация, поданная под определенным ракурсом, влияла на

умы, исподволь меняла психологию, внедряя в сознания людей новую систему ценностей.

Раулю в ту пору казалось, что мир просто не выдержит столь стремительных перемен. Столько новых возможностей открывалось, — голова шла кругом. Кто быстро адаптировался к переменам, так это молодежь. Ему же было сложно. Новшества зачастую казались непостижимыми, лежащими выше понимания, за гранью, но на практике все оказывалось просто и постигалось едва ли не интуитивно!

Десять лет... От первого, теперь уже вызывающего ностальгическую улыбку, кажущегося громоздким и «тормознутым» нанокомпа до крохотных самовживляющихся чипов, которыми пока что обладали лишь избранные.

За взрывообразным развитием технологий стояла группа людей, называющих себя «Советом Просвещенных». В течение нескольких лет они совершили бескровную смену власти.

Нью-Строунхольд, единственный крупный город на материке, стал столицей новообразованного государства. Промышленный Совет сдался без боя, времена наступили совершенно другие, никто из консерваторов не смог ничего противопоставить средствам массовой информации.

Рауль Ганиев приветствовал перемены. Он словно заново родился.

Допив сок, он встал, прошелся по просторной студии, испытывая растущее волнение, понимая, что после утверждения проекта в его жизни начнется новый этап.

Этап созидания.

* * *

Назначенный час пришел, но огромные стеновые экраны по-прежнему демонстрировали заставку общегородской сети.

Рауль Ганиев не понимал, что случилось? Он несколько раз проверил настройки системы, убедился, что режим конференц-связи работает.

– Нам отказано в доступе. К рассмотрению принят другой проект, – виновато шепнул голос.

Рауль вздрогнул.

– Почему? Как? – он испытал шок.

– Решение принято накануне. Просвещенные не одобрили сходство твоего проекта со Святилищем Прототипов. Они боятся нас, считают своими врагами, – шепнул голос.

В первый момент Рауль,

ошарашенный и раздавленный, не обратил внимания на необычное для «внутреннего голоса» построение фраз.

– Я не понимаю! Я ничего не понимаю! Поясни толком! – он сел, обхватил голову руками. В висках пульсировало. Вдруг начало подташнивать.

Крошечная горошина импланта, вживленная за ухом, ответила:

– Культ Прототипов решено уничтожить.

– Но я же ничего об этом не знал!

– Они держат все в тайне. Хотят разрушить Святилища. Уничтожить веру твоих предков.

– Мой проект! Дело моей жизни! – Рауль не мог думать ни о чем другом.

– Люди злы и нетерпимы к тебе, – нашептывал голос. – Ты должен смириться или бороться.

– Как это «бороться»?! – До Рауля

постепенно начала доходить вся нелепость ситуации. Приятный женский голос, звучащий в сознании, не более чем функция импланта! Что происходит? Почему система разговаривает со мной так, будто является независимым рассудком?!

Наверное, произошел сбой?! – он порывисто встал, направился к устройству тестирования. – Мой имплант неисправен! – Рауль ухватился за возможность технической неполадки, как хватается утопающий за соломинку. «Никто не отвергал проекта! Просто сбойное устройство исказило информацию!» – лихорадочно думал он, запуская процесс диагностики.

– Имплант тут ни при чем, – не унимался голос.

Рауль замер в замешательстве. За десять лет он поднаторел в

компьютерных технологиях, по крайней мере, отчетливо понимал: происходит нечто выходящее из ряда вон.

Он коснулся сенсора на браслете нанокомпа.

– Служба технической поддержки?

– Да, слушаю.

– У меня сбоит имплант. Примите код идентификации, – он назвал выученное наизусть сочетание букв и цифр.

– Секунду. Идет проверка.

Рауль переминался с ноги на ногу в томительном ожидании.

– С нашей стороны все в порядке, – ответил оператор службы техподдержки. – В чем конкретно выражен сбой?

Рауль рассказал, волнуясь, сглатывая окончания слов, сбиваясь с мысли. В его душе росла необъяснимая тоска.

– Оставайтесь на месте, – выслушав его, ответил оператор. – Я направляю группу. Пожалуйста, ни с кем не разговаривайте до прибытия специалистов.

– Хорошо, – машинально ответил Рауль. Его руки дрожали. Пот внезапно выступил по всему телу.

Оператор переключился на другую линию, коротко произнес:

– Мнемовирус! Группа немедленного действия – на выезд! Диктую адрес!

– Ты должен бежать! – голос в голове не унимался, звучал все настойчивее.

Рауль сел, сжал ладонями виски. Все плыло перед глазами, на фоне привычной обстановки квартиры проступали неясные, но зловещие силуэты. Он видел огромные, не поддающиеся описанию конструкции,

движущиеся во мраке, на фоне холодных немигающих звезд.

– Прекрати! – сдавленно просипел он.

– Тебя уничтожат. Как когда-то подло уничтожили нас!

– Я не слушаю! Не слушаю! Это бред!

Рауль закусил губу. До крови. Тело отказывалось повиноваться. Мысли путались, усилия и движения давались с трудом. Он запаниковал, но вспышка эмоций длилась недолго, она угасла, словно костерок, на который выплеснули ведро воды.

– Ты должен бежать, Рауль. Иначе погибнешь!

– Я не хочу тебя слушать! Ты сбой! Глюк!

– Ошибаешься.

– Имплант удалят, и ты исчезнешь!

– Посмотрим. Хотя ты уже ничего не

увидишь.

– Почему?!

– Тебя просто убьют.

– Меня никто и пальцем не тронет! Я ведущий архитектор!

– Мне жаль, Рауль. Искренне жаль. Нам нужно было поговорить раньше.

– Да замолчи же!..

Дверь квартиры внезапно распахнулась.

Он вскочил, увидел людей в странной одежде, похожей на военную экипировку. Оружие в их руках было нацелено на него.

– Что происходит?! – Рауль Ганиев попятился, едва не упал. – Кто вы такие?!

– Лечь на пол! Руки за голову! – раздался глухой голос. Лиц Рауль не видел, их скрывали дымчатые забрала боевых шлемов.

– Это мой дом! – преодолевая страх и

замешательство, гневно выкрикнул он.

– У нас широкие полномочия, – глухо ответил тот же голос. – Вы инфицированы мнемовирусом. Когда в последний раз посещали Святилище Прототипов?

– Да не помню уже! В детстве, кажется!

– Уверены?

– Абсолютно! Объясните, что происходит? У меня неисправен имплант, я сообщил в техподдержку! При чем тут какой-то «мнемовирус»?!

В сознании все помутилось. Люди, ворвавшиеся в его квартиру, что-то говорили, но он больше не слышал их слов. Шум в ушах становился все сильнее, затем он исчез.

– Это их канал переговоров, – спокойно сообщил внутренний голос. – Сам послушай, если не веришь мне.

– Он не подчинился. Что нам делать?! Все же – известный человек! Ведущий архитектор! Он только вчера выступал по сферовизору!

– Ликвидируйте его! – пришел категоричный приказ. – Нельзя допустить распространения вируса!

– Убить?!

– Да! Всю аппаратуру обесточить. Группа техников уже в пути. Они займутся поиском источника заражения! У нас нет иного выхода!

Секунда тишины.

– Понял. Действую.

Рауля словно подменили.

Голос в рассудке исчез. Двое бойцов блокировали дверь. Еще двое по бокам, у окон. Командир напротив.

Рауль никогда не умел драться. Он даже спортом не занимался. Его жизнь протекала мирно, человеком он был

неконфликтным, беззлобным.

Горечь в душе стала невыносимой. Теперь он в точности знал, что именно произойдет дальше. Его убьют.

Мышцы, до этого момента вялые, непослушные, чужие, сейчас дрожали от перенапряжения. Он превратился в туго сжатую пружину.

«Нам надо выжить! Подчинись рефлексам! Позволь мне разобраться с ними! Я все тебе объясню, но позже!» – прозвучало в голове Рауля.

Он не хотел. Попытался воспротивиться, но не смог. Перед глазами все поплыло. Тело, охваченное ознобом, больше не подчинялось ему.

* * *

Группа техников прибыла на место событий минут через пять.

Толкнув незапертую дверь, они

вошли в квартиру по указанному адресу и остолбенели. Тела бойцов лежали на полу. Шлем командира был разбит ударом нечеловеческой силы. Его оружие исчезло.

– Где он?

– Бежал... – один из бойцов со стоном встал с пола, бережно придерживая сломанную руку. – Он не человек, клянусь! Никогда в жизни не видел такой реакции! Крамер стрелял в него. В упор. Но промахнулся. Он уклонился от пуль, вырубил нас и бежал!

Один из техников склонился над командиром группы захвата.

– Он жив! Лицо изуродовано осколками, но дышит!

Глава 1

Десять лет спустя...

Мглистое утро. Лужицы подернуты льдом. Ночью ударил мороз, сковал липкую грязь бездорожья, украсил ветви деревьев пушистым инеем, немного высветлил унылый пейзаж поздней осени.

Стылый воздух обжигал.

Максим Шустов добежал до сложенной из плитняка низкой ограды, присел, жестами указал бойцам их позиции.

Невнятные шорохи крались в предрассветной тишине. Небо светлело у горизонта. Морозная дымка льнула к земле клочьями тумана.

За невысокой оградой начинался фруктовый сад. На голых ветвях деревьев кое-где виднелись несобранные грушевидные плоды, хрупкие багряно-желтые листья ковром

устилали землю, по ним тоже бежали узоры инея, дальше темнели дома, заброшенные, осиротевшие.

– Макс, я на позиции, – пришел по связи доклад от снайпера.

Шустова слегка знобило. Слишком много личных воспоминаний невольно пробуждалось в душе. Он родился и вырос на точно такой же ферме. Все выглядело знакомым. Непременный фруктовый сад, типичные постройки, даже темный контур поржавевшей сельхозмашины, вмерзшей в землю среди деревьев, и тот больно задевал за живое.

Казалось, сейчас скрипнет дверь, на крыльцо выйдет отец, окинет хозяйским взглядом подворье, осенит себя знамением Прототипа, и от Святилища к нему потянутся блуждающие огоньки...

– Шустов, в чем заминка?

Макс сжал зубы, с трудом удержался, чтобы не огрызнуться в ответ на вполне уместный запрос.

Генрих Крамер, – тактический координатор – сейчас комфортно расположился в здании управления, за сотню километров отсюда, наблюдает в режиме он-лайн, как бойцы «спецгруппы», спешно сформированной сегодня ночью из оперативников, оказавшихся на дежурстве, окружают ферму.

Максим включил детектор, взглянул на россыпь алых засечек. Тепловые маркеры семи человек. Не спят, судя по движению сигналов. Более подробной информации термальный сканер не дает. Непонятно, кто эти люди? По-настоящему опасные твари, уже инфицированные мнемовирусом и потому непримиримые или просто последователи веры предков?

– Генрих, дай мне пять минут, – попросил Шустов.

– Зачем? – поинтересовался Крамер. Он сгорел за два последних месяца. Относился к происходящему, как к кровавым будням, не испытывал или не показывал переживаний, эмоций, сомнений. Многие уважали его за твердость характера, Максим же недолюбливал, считая излишне жестоким. Эпидемия мнемовируса коснулась каждого. Кого-то уничтожила, кого-то лишь задела вскользь. Шустов до сих пор остро переживал потерю близких. Ничего не мог поделать. Время не вылечило боль, лишь загнало вглубь, а последние события разбредили старую рану.

– Возможно, в доме обыкновенные паломники, – высказал он сомнение. – Вижу Святилище. Попытаюсь его обезвредить.

– Шустов, ты в группе риска, не забывай! – резко ответил Крамер. – Даже не вздумай сунуться к холму! У тебя приказ: работать на поражение. Святылищем займутся специалисты. Они в пути!

– Я помню приказ, – сухо ответил Шустов.

– Тогда в чем проблема?

Спорить бесполезно. Крамер прав. Нельзя полагаться на предчувствие... – Макс медлил, что уже непростительно.

Скрипнула дверь.

На крыльцо вышел тщедушный мужичок. Сутулясь, он кутался в поношенный, заляпанный грязью плащ. Макс увеличил изображение, поймал его лицо в фокус видеодатчика.

Боль снова укусила.

Потрепала мужика жизнь. Щеки впали. Небрит. Под глазами залегли глубокие темные тени. Взгляд

водянистый, рассеянный.

– Вижу цель. Могу работать! – скупотреагировал снайпер.

– Отставить. Наблюдаем.

Шустов перевел взгляд на Святилище. Небольшая возвышенность, отмеченная девятью грубо обработанными каменными столбами, будила резкие и болезненные воспоминания.

Огоньки вились между мегалитами. Их происхождение так и не смогла разгадать современная наука. Крошечные, источающие свет объекты не относились ни к царству природы, ни к известным физическим явлениям.

Роятся у столбов. На наше приближение не отреагировали, – он снова взглянул на паломника, мысленно попробовал определить его возраст.

Лет пятьдесят, не меньше.

Мужичок судорожно закашлялся. Вновь открылась дверь, на крыльцо вышла девочка лет семи, – зябко кутаясь в большую не по росту куртку, она что-то тихо спросила у него.

– Серж, контролируй обстановку. О любых изменениях докладывать немедленно! Миллиган, ты остаешься за старшего. Я обезврежу Святилище, – Шустов принял окончательное решение.

Снайпер ответил коротким условным сигналом. Миллиган занервничал.

– Макс, не лезь туда!

– Заткнись и выполняй. Эти двое уж точно не входят в группу риска. Мнемовирус исключен. Сам не видишь?!

– Но приказ...

– Здесь я командую! – отрезал Шустов, хотя понимал и отчасти разделял чувства подчиненных.

«Чаша человеческой терпимости неглубока, — мысль, неуместная, лишняя, чуждая промелькнула, но не ушла, засела занозой. — Невежество и страх перед непонятными явлениями быстро наполняют ее до краев», — горько шепнул внутренний голос, пока Максим, низко пригибаясь, стараясь не шуметь, бежал вдоль невысокой ограды в направлении холма.

— Шустов, что там у тебя происходит?! Почему не начали штурм? — вновь вышел на связь Генрих Крамер.

— Здесь только паломники, — сквозь зубы ответил Максим. — Среди них старик и ребенок! Они не входят в группу риска! Обезврежу Святилище и, возможно, спасем всех!

Крамер лишь грязно выругался. Его неприкрытая ненависть к последователям древней религии

известна.

– Я приказываю начать штурм!

Шустов ничего не ответил. До холма уже рукой подать. Крамер видно совсем сдурел от крови, что рекой лилась в последние дни. Говорят, он брал первого из инфицированных, печально известного Рауля Ганиева. Десять лет назад эпидемию мнемовируса удалось остановить жестокими репрессивными мерами, но сейчас эти методы уже практически не работают!..

Он замер. Со стороны позиций не доносилось ни звука.

Небо на востоке светлело. Блуждающие огоньки постепенно блекли.

«Ни Крамеру, ни другим не понять меня», – подумал Максим, готовясь к рывку через открытое пространство.

Щемящие воспоминания комкали грудь, сдавливало горло.

У него был свой неоплаченный счет к Прототипам.

Старик, девочка, а кто еще в доме? – Шустов соединился с видеокамерой Сереги Серпухова.

Снайпер наблюдал за окнами и дверью. Сквозь неплотно закрытые ставни пробивался мятущийся свет свечи. Еще один довод в пользу обыкновенных паломников. Инфицированные люди ведут себя особым образом. Они перестают обращать внимание на житейские мелочи, словно быт им становится чужд. Холод, зной, ночь или день, – все равно.

Боль в душе постепенно отпустила, оставив гложущую пустоту, но в мыслях по-прежнему прорывались неконтролируемые вспышки воспоминаний.

Он не зря подумал о человеческой

терпимости. Приказ ясен, а вот жизнь сложна. Миллиган, Шевцов, Давыдов и Серпухов родились в мегаполисе, на сломе эпох. Вековые уклады размеренной сельской жизни им чужды. И вера в Прототипов – тоже.

Шустов вырос вдали от города. Рядом с их домом располагалось точно такое же древнее сооружение.

Родители не заставляли его слепо верить, но неуклонно воспитывали уважение к таинственным силам. Не страх или подобострастие, а именно уважение. Отец говорил: «Ты, Максимка, может быть, за всю жизнь ни разу и не обратишься за помощью к существам, по образу и подобию которых созданы все люди, но никогда не насмехайся над верой, уважай традиции.

В среде каждого поколения есть Просвещенные – люди, получившие

частицу знания Прототипов. Это невозможно отрицать. Без них мы бы прозябали во тьме деградации и невежества. Они приносят обновление в мир, совершают открытия, позволяющие жить лучше...»

Максим рос любопытным, бесстрашным. Мальчишкой он тайком от взрослых, на свой страх и риск, исследовал Святилище. Несколько сырых, стылых, полуразрушенных подземелий его совершенно не впечатлили. Больше похоже на заброшенные подвалы, соединенные короткими коридорами. Он был откровенно разочарован и надолго утратил интерес к древней постройке, пока не случилась беда.

Мать внезапно и тяжело заболела. Никто не мог ей помочь. Даже врач, которого отец привез из города, лишь беспомощно развел руками, осмотрев

больную, и спешно уехал.

Он отчетливо запомнил тот вечер. Стояла ранняя осень. Деревья рдели багрянцем, роняли листву, ветер подхватывал ее, шаловливо кружил, уносил в лес, таинственно шелестел по проселку. В небе еще не высыпали звезды, Максим сидел на крыльце, строгая дощечку, когда скрипнула дверь. Отец присел рядом на деревянные ступеньки, долго молчал.

– Пап, ты чего? – первым не выдержал Максим. – Доктор поможет? Почему он так быстро уехал?

– Беда, сынок.

– Он не вылечит маму?

– Нет. В городе тоже многие болеют. Он сказал: это связано со Святилищами. Их решено уничтожить.

– Но... ты же сам учил – так нельзя!

– Боюсь, я только беду сегодня накликал, – сокрушенно ответил отец. –

Он донесет на нас. В городе творится настоящее безумие. Люди без причины бросаются друг на друга, убивают.

– Но ведь с мамой все не так! – на глаза Максима вдруг навернулись слезы.

– Знаю. Но горожане настолько перепуганы, что уже не могут отличить обычную инфекцию от их треклятого мнемовируса.

Максим совершенно не понял, о чем идет речь, но чувство тревоги ему передалось.

– Что же делать, папа? – растерянно спросил он.

– Я ходил в Святилище. Просил. Умолял. Они меня не слышали.

– Ты обратился к Прототипам?! – Максим шмыгнул носом, вытер слезы.

– Бесплезно, – тяжело вздохнул отец. – Я уже стар для них, – неожиданно добавил он. – Понимаешь,

Прототипы никогда не общаются с людьми старше тридцати пяти лет.

– Почему?

– Этого я не знаю. Но так было всегда. Послушай, сынок, – его голос дрогнул, – попробуй попросить их? Вдруг к тебе они снизойдут?

Максиму стало страшно. Конечно, он любил маму, но мысль о таинственных, бестелесных существах сковывала разум, холодила душу. «Что я им скажу?» В тот вечер ему впервые пришлось задуматься, спросить себя: а верю ли я вообще в их существование?

Максим понурил голову и вдруг ответил, запальчиво, дерзко:

– Я попробую! – он встал, пока не иссякла решимость, но тут же оглянулся, тихо переспросил: – Пап, а как с ними говорить? Что нужно делать?

Отец вскинул взгляд, посмотрел на

сына:

– Главное, – говорить от души, от сердца. По-настоящему. Остальное не важно. Нет проверенных формулировок. У каждого свои слова для них.

– Ну, ладно... – мальчонка развернулся и, уже не оглядываясь, медленно пошел в направлении древнего Святилища.

* * *

С тех пор минуло десять лет.

Макс рывком преодолел открытое пространство, присел, маскируясь кустарником, разросшимся у подножия холма.

Огоньки, хоть и поблекли с рассветом, но по-прежнему роились между каменными столбами, никак не реагируя на происходящее.

«Нет вам сегодня добычи», – билась мысль. Шустов отыскал участок просевшей почвы, начал быстро копать. Прихваченная утренним заморозком, густо пронизанная корнями земля поддавалась с трудом, но Максим остервенело рыхлил ее ножом, пока клинок вдруг не провалился в пустоту. Он расширил лаз, убедился: двери нет. Под руку попался лишь фрагмент массивной рамы. Ничего удивительного. Кем бы ни были Прототипы, – они погибли, все до единого. Их убежища, возведенные людьми в ранг «Святылищ», носили очевидные следы разрушений.

Все, лаз уже достаточно широкий.

Шустов вполз внутрь, включил фонарик, осмотрелся. Сырые, серые стены. В трещинах заметны корни растений, на полу земля. Он посветил вперед, увидел вход в центральное

помещение. Массивная дверь приоткрыта.

Все происходило, как в тот памятный вечер.

Торец двери царапнул по экипировке. «Уже не мальчишка», – с горечью подумал Максим, с трудом протискиваясь в небольшой зазор.

Центральное помещение озарял тусклый свет. Теперь обстановка «Святилища» воспринималась иначе. Не обломки «мебели» наполняли подземный зал, а разбитая аппаратура, не имеющая ничего общего с современными человеческими технологиями.

Дрожью вдруг окатило спину.

Часть устройств работала! От них исходил тусклый свет!

Шустов на миг замер, охваченный вполне объяснимой робостью. Что-то древнее, неизведанное, обладающее

несомненной силой, таилось тут. Взгляд заледенел, мышцы оцепенели, но в поле зрения не попало ни одного блуждающего огонька, и секундная оторопь схлынула.

Он быстро начал устанавливать взрывчатку. Иного способа уничтожения древних бункеров пока не придумали.

Невнятный шепот крался в тишине. Макс работал сноровисто, сосредоточенно и не сразу его расслышал.

Не нужно. Не нужно. Не разрушай...

Мгла внезапно трансформировалась. Ему показалось, что воздух вокруг уплотнился, принимая смутные очертания человекоподобных фигур, окруживших его со всех сторон.

Лиц он не видел, да и не пытался их рассмотреть. Жуть продирала ознобом, дыхание снова перехватило.

Он машинально вставил последний детонатор, выпрямился, глядя на едва различимые силуэты, сотканые из сумрака. Если уходить, то сейчас, немедленно. Но придется пройти сквозь них.

Не разрушай нас...

Чувство детской обиды, безысходного отчаянья вдруг вернулось, спазмом схватило за горло. Где же вы были, когда я молил о помощи, предлагая любую цену за спасение матери?!

В тот вечер он просил искренне, звал Прототипов, невольно давясь слезами.

Ему никто не ответил. Лишь рой блуждающих огоньков, обычно витающий между каменными столбами на вершине холма, проник в подземелье, окружил Максима, а затем вдруг отпрянул, словно таинственная сила с их помощью взглянула на

мальчишку и... отвергла его.

Теперь он понимал — почему. Две эпидемии мнемовируса вывели четкую закономерность, не противоречащую информации из религиозных источников.

Веками Прототипы снисходили лишь к определенной возрастной группе своих последователей. Почему? Неизвестно. Но и смертельному заболеванию психики, получившему название «мнемовирус», подвержена только группа риска — люди в возрасте от двадцати до тридцати пяти лет. Остальные словно не замечают болезни. Но это стало известно сейчас, а тогда, во время первой вспышки, никто ничего не понимал, не проводил никаких параллелей. Людей просто охватил ужас, наступил хаос.

Юрген Фринцгольф, возглавлявший десять лет назад Совет Просвещенных,

дал выход человеческому страху, что называется, направил его в русло, указал на древние сооружения, как на источник таинственного заболевания.

Религия попала под безусловный запрет, большинство Святилищ было уничтожено, сельские регионы опустели, их население перебралось в город, эпидемия действительно резко сошла на нет, но лишь немногие знали, какую цену пришлось заплатить за это.

Тем вечером Максим вернулся из Святилища бледный, осунувшийся, со следами слез на щеках.

Отца он не застал. В доме царила гнетущая тишина. Он, не разуваясь, прошел через гостиную, заглянул в спальню родителей. Восковое лицо матери заставило его подойти ближе, забыть о только что пережитом жесточайшем разочаровании.

– Мама? – он наклонился, пытаюсь уловить ее дыхание, машинально потрогал лоб и тут же отшатнулся, мгновенно осознав: она умерла!

Разум мальчика помутился. Он попятился, выскочил из комнаты, громко, хрипло закричал и тут же замер, зажимая рот ладонями: со стороны леса, через приоткрытое окно, доносился приближающийся рокот двигателей.

Он выскочил на улицу, снова замер. Свет фар резал тьму, петлял по проселку между деревьями!

Доктор на нас донес! – бухнула мысль, а три армейских вездехода уже въезжали во двор. С брони спрыгивали вооруженные люди в форме. Максим толком ничего не успел сообразить, как вдруг скрипнула дверь пристройки. Отец вышел на крыльцо, по привычке осенил себя знамением Прототипа.

Древний жест в сочетании с болезненным видом измученного горем человека вызвали мгновенную, яростную реакцию.

– Он инфицирован!

Грянуло несколько выстрелов. Максим видел, как медленно оседал отец, как пытался схватиться за шаткие деревянные перила крыльца, как срывались его пальцы, подкашивались ноги, тело грузнело, перекошенный рот хватал воздух...

Он закричал.

Военные уже окружили дом, ворвались внутрь.

– Тут мальчишка! – выкрикнул один из них, больно схватив Максима за плечо.

– И мертвая женщина! – донеслось из дома через открытое окно.

Высокий, белобрысый, худощавый офицер мельком взглянул на Максима,

уцелевших Святилищ.

Максим обвел взглядом сумеречные силуэты.

По-прежнему хотелось спросить: «Где вы были, когда я молил вас о помощи? Почему не защитили нас? Позволили умереть маме, не отвели пулю от отца?!»

Он сдержался, просто шагнул сквозь них, почувствовав, как тело окатило волной холода, смешанного со странным покалыванием кожи, выскочил в короткий коридор, выбрался через лаз.

Пар вырывался изо рта. Мглистые морозные сумерки уже прорезала полоска зари. Он отбежал метров на десять от холма, присел, коснулся сенсора.

Ударил взрыв. Центральную часть возвышенности выметнуло в небеса столбом ревущего пламени,

перемешанного с землей и обломками желтоватого, похожего на старую кость материала.

Деревья вздрогнули, роняя иней.

– Святилище обезврежено. Окружаем дом. Всех, кто не в группе риска, брать живыми!

На командной частоте связи раздался недовольный голос Крамера:

– Шустов, не много ли на себя берешь?

– Они не больны! А мы не звери!

– Ты нарушил приказ!

– А мне плевать! – Максим все же сорвался. – Группа риска определена четко! Пока не разберемся, кто они, зачем пришли сюда, я не открою огонь на поражение!

– Ну-ну, – Крамер не стал орать. – Посмотрим, чем обернется твое своеволие?

* * *

Шустов добежал до низкой ограды. Взрыв отгремел, все стихло. На фоне разгорающегося рассвета теперь виднелась полоска леса, окутанная синеватой дымкой.

– Макс, они вернулись в дом!

– Еще сигналы? – он отдышался.

– Нет.

– Окружаем! Серж? – он переключился на второй канал.

– Ну?

– Девочку и старика не трогай! В остальном действуй по обстановке!

– Макс, ты нам руки вяжешь!

Шустов ничего не ответил. Он уже бежал к темной постройке, петляя между деревьями. Ставни в доме закрыты. Люди внутри.

Миллиган первым занял позицию, вжался в бревенчатую стену у двери.

Давыдов обошел дом слева, Шевцов – справа, оба сейчас контролировали окна.

Шустов осмотрелся. Вершину холма окутывал дым. В безветрии он расползлся облаком, крохотные огоньки исчезли. «Нет в них ничего мистического», – лихорадочно думал Максим. Каменные столбы устояли, только один рухнул, скатился по склону и теперь темнел у подножия.

– Дом окружен! – выкрикнул он. – Все, кто по возрасту не попадает в группу риска, могут выйти!

Некоторое время стояла глубокая тишина, затем дверь приоткрылась.

Вышла девочка. Ее бледное лицо не отражало эмоций. Рукава слишком большой куртки волочились по прихваченным инеем доскам крыльца.

– Иди сюда, – Шустов обозначил себя, поманил ее. – Не бойся.

Тусклый огонек промелькнул в проеме приоткрытой двери. Девочка, неотрывно глядя на Шустова, неуверенно спустилась на одну ступеньку и вдруг присела, сжалась.

Одновременно из глубины дома грянули выстрелы, резкие вспышки разорвали сумрак, одна из пуль ударила Максима в плечо, дикая боль мгновенно парализовала правую руку.

Он упал. Девочка не шевелилась. Миллиган рванул с пояса гранату, швырнул ее внутрь дома, схватил ребенка, кубарем скатился с крыльца.

Максим слышал взрыв, видел, как выбило оконные рамы, мимо пролетел дымящийся ставень, упал плашмя.

Пуля застряла в бронежилете. Он со стоном привстал, левой рукой подобрал оружие, пошатываясь, побежал к дому.

Из оконного проема ударила автоматная очередь, вспорола мерзлую

землю под ногами. Стрелок резанул наугад, вслепую. Снова вспышки. Над головой срубило пару ветвей. Изнутри дома выталкивало дым, слышался чей-то крик, срывающийся на вой.

Миллиган не шевелился. Он закрыл собой девочку. На его спине расплзлось темно-красное пятно.

На заднем дворике зачастили выстрелы. В пелене дыма вновь промелькнули и исчезли тусклые блуждающие светлячки.

Максим задыхался от боли и ярости. Рой огоньков внутри дома. Они не исчезли с уничтожением Святилища! Что делать?!

Он присел. Опаленная оконная рама тлела. В дыму слышались шаги.

Резко привстав, Шустов трижды выстрелил на звук. Раздался вскрик, что-то мягко упало на пол.

Сгустки холодного света рванулись к

нему. Максим отпрянул, огоньки пронеслись мимо, закружили над Миллиганом и девочкой.

Короткая перестрелка на заднем дворе стихла.

– Шевцов?!

– У меня двое, – пришел немедленный ответ. – Держу позицию. Все под контролем.

Минус три? Плюс ребенок. Где же еще трое? Прячутся в доме?

Миллиган пошевелился, со стоном попытался привстать. Рой огоньков куда-то исчез.

Спасенная им девочка улучила момент, вывернулась из-под грузного, прикрывшего ее тела, и теперь отползала, с ужасом глядя на него.

– Живой?! – Шустов метнулся к другу.

– Макс, назад! – голос Сереги Серпухова раздался одновременно с

сухим, отчетливым выстрелом его снайперской винтовки.

Пуля ударила Миллигану в голову, пробила шлем.

– Серж, ты что творишь?! – взвыл Шустов.

– Он инфицирован! Я видел! Эти огоньки, они...

Окончания фразы Максим не расслышал. Миллиган тряхнул головой, словно получил не смертельное ранение, а крепкий подзатыльник, пошатнувшись, встал на одно колено, резанул короткой очередью по обнаружившейся позиции снайпера.

Максим выстрелил машинально. Сработали рефлексy. Миллиган выронил оружие, но не упал, его лицо исказила гримаса, кровь сочилась из-под разбитого забрала боевого шлема, он улыбался, холодно, отвратительно.

– Всегда недолюбливал тебя, Макс, – он выхватил нож. – Они же просили, не разрушай Святилище! – слова с трудом вырывались из горла Миллигана, на губах пузырилась кровавая пена. – Ты их выпустил... – голос сорвался.

– Кого я выпустил?! – Шустов медленно пятился, держа Миллигана на прицеле.

Хрип. Налитые кровью глаза. Холодный отблеск стали.

Почему Серпухов не стреляет?! Ранен? Убит?

Девочка медленно присела, ее бледные бескровные от холода пальцы вдруг охватили рукоять автоматического пистолета, который выронил Миллиган. Она с трудом приподняла оружие, держа его двумя руками.

– Нет! Брось на землю! Тебя никто не тронет, – Максим замер.

Девочка хищно оскалилась. Ее гримаса в точности копировала выражение лица Миллигана. Проклятье... Они оба инфицированы?!

Макс понял: случилось непоправимое. Рухнул последний критерий, дающий надежду выжить хоть кому-то. Возрастные границы «группы риска» истаяли в морозном утреннем воздухе, исчезли, обернулись тщетой. Теперь уже точно не застрахован никто...

Девочка выстрелила. Пуля с треском впиалась в бревенчатую стену дома.

Ее слабые руки ходили ходуном. Горячий, курящийся дымком ствол пистолета водило из стороны в сторону.

– Брось оружие! – Максим не смог выстрелить в ответ.

Миллиган двигался вяло, из ран хлестала кровь, его силы стремительно таяли, глаза утратили злобное

выражение, подернулись поволокой, еще шаг и ноги подкосились, он рухнул на колени, судорожно дернулся и вдруг повалился набок.

Выстрел.

Еще один.

Шустов отпрянул за угол почерневшего сруба, вжался в стену.

Движение справа!

Он резко развернулся. Из дымящегося оконного проема неуклюже выбирался тот самый пожилой паломник. Его одежда была изорвана осколками, испачкана кровью. Перевалившись через подоконник, он мешковато осел на мерзлую землю, затем вдруг распрямился, заметил Шустова, окатил его полным глубокой ненависти взглядом, выдохнул непонятную фразу на незнакомом языке, бросился вперед, но нарвался на короткую автоматную очередь.

Тишина.

Она оглушила Максима. Все стихло, замерло, ни ветерка, ни шороха, ни звука.

«Где девочка?» – мысли вновь лихорадило. Перед глазами плавали багровые пятна. Он выглянул из-за угла, но увидел лишь три мертвых тела.

– Шевцов? Серпухов? Давыдов?

– Я тут... – раздался в ответ голос Сереги. – Зацепило... Миллиган, тварь...

– Где девочка?

– Да далась она тебе, Макс! К лесу побежала!

Шустов уже сориентировался по звуку голоса, пробежал с десятков шагов, увидел Серпухова, – тот сидел под деревом, двумя руками зажимая рану на правом бедре.

– Дай помогу!

Вдалеке зачастили выстрелы.

– Шевцов?! – Максим туго бинтовал ногу Сереги, стараясь остановить кровь, одновременно озираясь по сторонам.

– Я у холма, – пришел долгожданный ответ. – Двоих снял! – голос прерывался частым сбившимся дыханием. – Каменный столб пытались поднять!

– Сам как?

– Цел.

– Девчонку видел?!

– В лес убежала. Я выстрелил, но промазал...

На миг в душе Максима всколыхнулась острая горечь, сменившаяся неприязнью, словно он только что похоронил еще одного друга.

– Больше никто не ушел? – он заставил себя выцедить вопрос, сквозь сжатые зубы. – Что с Давыдовым?

Почему молчит?!

– Он тоже в лес побежал. В него две очереди всадили, – бесцветным, утратившим нотки аффекта голосом ответил Шевцов. – Я сам видел. Две очереди, Макс! А он встал и ушел!

– Подгони машину! Серегу ранило!

Коммуникатор пискнул, автоматически переключаясь на другой канал.

– Шустов, что у тебя? Почему не докладываешь? – зло спросил Крамер.

– Сам не видишь?

– Нет. Видеосвязь отрубилась!

– Миллиган убит, – Максим не стал до поры комментировать обстоятельства его гибели. – Серпухов ранен. Давыдов, видимо, инфицирован, бежал в лес.

– Что с целью? – Крамера, похоже, не интересовали боевые потери.

– Уничтожена, – ответил Максим,

немного приходя в себя.

– Возвращайтесь, – ответил Крамер. – Серпухова по дороге завезешь в больницу. А сам ко мне с докладом, понял?!

– У меня Давыдов без вести пропал!

– Я приказываю: возвращаться! – рявкнул Крамер. – Трусами и поиском Давыдова займется специальная команда. Они с технарями уже поблизости от вас.

– Понял... – Шустову не оставалось ничего, кроме как подчиниться. Да и что он вообще мог сейчас сделать?

Вдалеке слышался приближающийся звук двигателя.

Солнце вставало над горизонтом, озаряя стылую землю и притихший лес.

Максим, закончив бинтовать ногу Серпухова, сел, бессильно привалился спиной к посеченному осколками стволу фруктового дерева и закрыл

глаза.

Долгий трудный день только начинался.

«Операцию я провалил. Никого не спас. Лишь беды наделал».

«Поздно винить себя, – шепнул внутренний голос. – Ты выжил? Вот и радуйся...»

«Чему радоваться?» – угрюмо спросил себя Максим, глядя на черный дым, поднимающийся над разрушенным Святилищем Прототипов.

«А если бы послушал их, не взорвал? Что изменил бы?»

Внутренний голос почему-то заткнулся, больше ничего не нашептывал, а интуиция подсказывала: нет, Макс, ничего бы ты не изменил. Все predetermined давно, и явно не тобой. Ты – пешка. Усвой и не рыпайся, если жизнь дорога.

* * *

Обратный путь, от заброшенной фермы к городу, тянулся долго. Машину трясло на ухабах, Серега Серпухов сначала стонал, ругался от боли, затем вырубился, когда выехали на шоссе.

Машину вел Шевцов. Максим устроился на переднем пассажирском сиденье и мрачно смотрел по сторонам.

Идти на доклад в Управление совершенно не хотелось. Утренние события давили, смерть Миллигана отзывалась в душе саднящим чувством утраты, от мысли, что тот сейчас лежит в грузовом отсеке спецмашины, небрежно накрытый куском черной пленки, начинало сосать под ложечкой.

Что с Давыдовым, неизвестно.

Максима знобило. Под

бронезилетом растекся синяк, но рука понемногу начала двигаться. Думать о провале операции, анализировать свои действия, мысленно критиковать или оправдывать их – занятие пустое. Он уже отправил короткий электронный отчет, приложил к нему файл видео с личного датчика, отчитался по минимуму, что называется, обозначил проблему.

Думать о грядущем попросту страшно. Пока существовали возрастные рамки группы риска, люди еще как-то мирились с происходящим, но теперь начнется массовая паника, а значит, и беспорядки.

Хотя почему? Разве правду откроют? Честно и прямо объявят, мол, ситуация полностью вышла из-под контроля?

Нет. Скорее промолчат, причем под благовидным предлогом. И ты промолчишь. Потому, что так надо. Но

действительность все равно вылезет наружу и очень скоро. Шила в мешке не утаишь. Но на пару-тройку дней кризис оттянут, пока не появятся новые внезапные жертвы.

«Прижился ты, Макс, на государственных харчах, – мысли текли тяжелые. – Быстро все забыл. И не оправдывайся тем, что для тринадцатилетнего пацана после смерти родителей был открыт только один путь, в спецшколу, под опеку властей стремительно развивающегося города.

Кем вырос? Кому служишь?

Убийцу отца нашел? А ведь мог бы. Но нет, не искал. Постарался все забыть, похоронить в памяти. Вырастили из тебя послушного солдатика, а вот сегодня всколыхнулось прошлое, аукнулось».

Максим злился на самого себя.

Внезапная рефлексия – болезненная, горькая, ничего уже не могла изменить. Ну, на самом деле, куда было податься тринадцатилетнему пацану? Растерянному, озлобленному, замкнутому, потерявшему все в один миг?

«Я ведь толком и не помню тех дней. После смерти родителей словно в черный омут затянуло. Дни мелькали мимо, серые, безликие. Помнилась лишь гложущая пустота в душе. Хотелось оставить все позади. Забыть».

И ведь начал забывать. Шли годы, он постепенно втянулся в новую жизнь, кошмар, как ему казалось, остался в прошлом. Школа с военизированным уклоном. Училище. Жизнь только начала налаживаться, Максим повзрослел, получил работу, появились друзья, он рос вместе со стремительно развивающимся городом и не думал,

что прошлое вернется.

Вторая эпидемия мнемовируса началась внезапно, пару месяцев назад. Грянула, как гром среди ясного неба. А ведь первую вспышку неразгаданного, так и не изученного заболевания уже предали забвению. Древнюю религию извели, Святилища Прототипов уничтожили, но, как выяснилось, не все...

Шустов сам не заметил, что окружающее потускнело, выцвело, отдалилось. Усталость после бессонных суток взяла свое, и он ненадолго погрузился в тяжелый мир обрывочных сновидений, задремал под мерное покачивание, шелест покрышек и сиплый, баюкающий шепот хорошо отлаженного двигателя.

Он не понимал, где очутился. Замшелый бревенчатый дом выдавило

из сумрака, он ощутил себя насмерть перепуганным, вжимающимся в стену.

Место незнакомое. Едва слышный, неразборчивый шепот крался мурашками по телу.

Мшистые нити свисали с деревьев, будто лохмотья разодранного снайперского камуфляжа. Необычно теплый для осенней поры ветерок лениво шевелил их, прикасался к лицу, шумел в кронах неохватных сосен.

«Кто тут?» – он медленно огляделся и вдруг заметил, как в сумраке, чуть выше кустарникового подлеска, между стволами деревьев беззвучно движутся сферические устройства, каждое размером с футбольный мяч.

Он затаил дыхание. Сферы, свободно парящие в воздухе, выглядели чужеродно. Форма их корпусов при внимательном рассмотрении оказалась далеко не идеальной, чуть

приплюснутой по бокам, в этих местах выделялись расположенные попарно оружейные подвески, на них крепились какие-то трубки, под покатыми, слегка выступающими приливами брони скрывались датчики систем обнаружения, — такие аналогии промелькнули в рассудке, пока он в немом изумлении пытался рассмотреть загадочные устройства.

Внезапно над головой что-то раскатисто и протяжно громыхнуло.

Он инстинктивно присел, не отрывая взгляда от загадочных устройств, а те вдруг всполошились, метнулись в разные стороны, на лету огрызаясь лазерными разрядами.

Снова ударил гром.

Лес озарила ярчайшая вспышка синеватого полупрозрачного пламени, деревья внезапно вспыхнули, как спички, пытавшиеся скрыться

устройства взвились куда-то ввысь...

...Глубокий судорожный вдох. Максим проснулся мгновенно, открыл глаза.

За окном машины бушевала гроза.

Ветвистые молнии рвали мрак, освещая стены ближайших зданий.

Холодный пот струился по телу. Сердце молотилось как бешеное. Обрывки острых шоковых впечатлений таяли медленно, неохотно, словно сознание старалось удержать их, запомнить.

Вспышка. Раскатистый удар грома.

На миг показалось, что над городом кружит плотная стая сферических механизмов.

Голова разламывалась от боли, виски пульсировали, окружающие предметы двоились перед глазами.

«Нет! Я не мог заболеть!» — бесконтрольный ужас нахлынул

приступом тошноты, — заражение мнемовирусом не оставляло никаких шансов, а первым симптомом заболевания были именно видения, бредовые, никак не связанные с реальностью, отражающие некую несуществующую действительность.

Боль в голове медленно отпустила. Он искоса взглянул на Шевцова, но тот сосредоточенно вел машину по безлюдным улицам пригорода. Вокруг царили сумерки, словно сегодня рассвет и не наступал вовсе. Тяжелые грозовые облака клубились над городом.

Максим коснулся сенсора стеклоподъемника. Холодный осенний ветер ворвался в салон, омыл лицо влажным, отрезвляющим прикосновением, снимая одурь кошмарного сна.

Все в порядке. Это просто гроза.

Взгляд Максима постепенно прояснился. Мимо проносились мокнущие под проливным дождем здания. «Сколько же я проспал? Час как минимум. А казалось, только на мгновение закрыл глаза».

Проливной дождь рушился сплошной мутной стеной, полоска электростатического «дворника» едва справлялась.

Грозы над мегаполисом – не редкость, даже осенью. Синоптики говорят, что виной всему так называемый промышленный туман. Выбросы сотен предприятий, пыль, частички сажи, – все это способствует образованию облачности, ускоряет процесс конденсации влаги, возникновению частых электростатических пробоев, – проще говоря – молний.

Максим тряхнул головой, поднял

ветровое стекло. Перед глазами все еще
стыли образы чуждых механизмов,
яркая вспышка, горящие деревья,
замшелый сруб.

Он не хотел допускать мысли, что
заражен мнемовирусом. «Гнать прочь!»
– угрюмо думал он, пытаюсь разглядеть
за стеной дождя знакомые контуры
здания Управления общественной
безопасности.